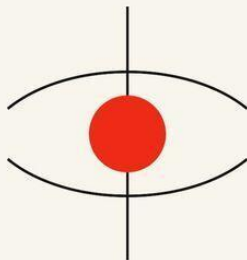

18+

Гастон Д'Арси

DUE DILIGENCE

Гастон Д'Арси

Due diligence

<https://litres.ru/74401629>

ISBN 9785007112758

Аннотация

Алгоритм проверяет человечество, архив — память, тело — собственное вещество, а ошибка — устойчивость языка. В десяти рассказах и эссе Гастон д'Арси выстраивает единый цикл из трёх частей: «Проверка», «Архив» и «Ошибка». Фантастика, гротеск, история идей и физиология сходятся в книге о системах, которые мы создаём, и о свободе, сохраняющейся благодаря их несовершенству.

Содержание

ГАСТОН Д'АРСИ	5
ММХХVI	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОВЕРКА	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АРХИВ	8
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ОШИБКА	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
ПРОВЕРКА	10
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Due diligence

Гастон Д'Арси

© Гастон Д'Арси, 2026

ISBN 978-5-0071-1275-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГАСТОН Д'АРСИ DUE DILIGENCE

Рассказы и эссе о системах, ошибках и свободе

MMXXVI
СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОВЕРКА

1. *Due Diligence*
2. *Фильтрат судьбы*
3. *Одиссея Болюса*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АРХИВ

4. Сон в майскую ночь на улице Быка в Тулузе
5. Власть архива, или Архив власти
6. Фотоны истории: о пламени и бумажных цепях

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ОШИБКА

- 7. А гром где-то рядом громко гремя, громит...
- 8. Есть ошибки, которые ниже истины
- 9. Гефсиманская грамматика
- 10. Печатка бытия

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОВЕРКА Due Diligence

Due diligence (англ. — «должная осмотрительность») — всесторонняя проверка, предшествующая принятию решения.

Дом номер девятнадцать по бульвару Руаяль снаружи не сообщал о себе ничего. Люксембургский песчаник, потемневший до цвета мокрого картона; шиферная мансарда; кованный козырёк над порталом, оставшийся от эпохи, когда деньги ещё считали приличным украшать. Слева и справа тянулись такие же фасады, за которыми размещались структуры с названиями из трёх заглавных букв. На гранитном откосе у входа были привинчены семь латунных табличек, и ни одна не содержала слова, годного для произнесения вслух: инициалы, римские цифры, S.à r.l. Восьмая, самая свежая, вовсе пустовала — отшлифованный прямоугольник, дожидающийся, когда кому-нибудь понадобится назваться.

За порталом начинался прошлый век: террасо в мелкую крошку, чугунные перила, запах воска и остывшего камня. Лифт вставили в лестничный пролёт позднее; он ехал

с осторожностью, свойственной вещам, знающим собственный возраст. Но на четвёртом этаже коробка дома заканчивалась и начиналась пристройка — стеклянный объём, вынесенный консолью на сторону обрыва, туда, где задние сады старых банков обламывались в долину Петрюс. Изнутри это была переговорная о трёх прозрачных стенах, повисшая над пустотой, как ящик, забытый на краю стола.

В тот вечер дождь над городом шёл до того ровно, будто его завизировали в юридическом отделе: ни одной лишней капли, ни одного отступления от графика.

Гость не снял пальто. Не по рассеянности — так предупреждают, что задерживаться не намерены. Вейлер отметил приём и промолчал. Кофе советник тоже не тронул; пар над чашкой сдался четверть часа назад, и остывшая жидкость почему-то раздражала его сильнее всего прочего в этой комнате.

— Признателен, что приняли меня без адвокатов.

— Я не соглашался.

— Верно. Вы не возразили. — Советник раскрыл папку и разгладил первый лист ладонью, словно разговор нуждался в утюжке.

Его звали Адриан Восс. Член наблюдательного совета фонда Hesperia Capital, хотя должность на визитке звучала длиннее и изящнее, как всякая работа, суть которой состоит в том, чтобы говорить чужим людям «нет» за деньги других людей. Седина шла от висков двумя аккуратными клиньями,

а лицо казалось скроенным специально для годовых отчётов: ничего лишнего, даже морщины появлялись только там, где усиливали доверие.

Напротив сидел Элиас Вейлер, основатель Arbor Predictive Systems. Когда-то на первой презентации он обещал фонду вещь довольно прозаическую: алгоритм, моделирующий поведенческие реакции разнородных аудиторий — клиентов, электората, персонала, пользователей цифровых сервисов, пассажиров, пациентов, заёмщиков. Не чтение мыслей. Не управление массами. Нормальная прикладная статистика, только быстрее, чище и без дорогостоящей привычки человека ошибаться именно там, где ему особенно кажется, что он рассуждает рационально. Тогда же прозвучала формулировка, которую Восс запомнил дословно: «Мы не предсказываем человека. Мы рассчитываем пространство его вероятных реакций». Такие фразы хорошо смотрятся на инвестиционных комитетах, особенно рядом с диаграммой роста рынка.

— Три недели назад фонд открыл финальную проверку вашей технологии. В заявке значилась точность девяносто четыре процента.

— Устаревшие данные.

— Насколько?

— Мы прекратили измерения после девяносто девяти. Дальше сама процедура измерения выглядела суеверием.

Папка закрылась — аккуратно, без хлопка, как крышка

рояля, к которому больше не подойдут.

— Господин Вейлер, куда делись мои люди?

Тишина после вопроса оказалась не напряжённой, а плотной: она заняла объём. Внизу, метрах в сорока под полом, лежала долина Петрюс — чёрная промоина в теле города, набитая мокрыми платанами. По мосту Адольфа, перечеркнувшему ущелье одной каменной аркой, прошёл трамвай, и его освещённая коробка несколько секунд плыла над темной, ни на что не опираясь. За мостом, на гребне противоположной стороны, стояла на своей колонне золочёная женщина, памятник войне, которую страна не выбирала; дальше поднимался шпиль собора, а на горизонте, за второй долиной, горели башни Кирхберга ровным конторским светом, до утра.

Восс выкладывал фотографии на столешницу одну за другой, негромко, будто сдавал колоду. Марк Дюваль, руководитель аудита. Эльза Кёниг, поведенческий психолог. Лукас Хартман, информационная безопасность. Тео Мертен и Сильви Нойман, юридическая пара. Марио Рибера, независимый статистик. Шесть лиц смотрели вверх с той бессмысленной готовностью, какая свойственна корпоративным портретам.

— Первая тройка перестала выходить на связь через тридцать шесть часов после начала проверки. Вторая отправилась искать первую и исчезла следом. Полиция не нашла ни следов насилия, ни пересечения границы, ни крупных тран-

закций, ни аренды автомобилей, ни купленных билетов. Телефоны перестали регистрироваться в сети в пределах семи минут друг от друга.

Вейлер долго рассматривал снимки. Не так смотрят на пропавших; скорее на оборудование, которое когда-то дорого стоило и внезапно устарело. Потом развернул ноутбук. Экран уже горел, словно беседа началась задолго до того, как гость вошёл в портал. На нём была таблица: те же шесть фамилий и напротив каждой зелёная отметка.

Resolved.

— Что это означает?

— Что вопрос закрыт.

— Чей?

— Их собственный. — Вейлер повёл плечом с досадой человека, вынужденного переводить с языка, которому его не учили. — Алгоритм не различает заказчика и объект. Ваши сотрудники для него — тоже выборка.

— Это не ответ.

— Для модели — исчерпывающий.

Восс снял очки, протёр платком, водрузил обратно. Есть движения, заменяющие человеку молитву; это принадлежало к их числу.

— Хорошо. Зайдём иначе. Что произошло с первой тройкой?

— Они перестали задавать вопросы.

— Люди не перестают.

— Перестают, получив ответы.

— Где?

— Внутри модели.

Гость усмехнулся коротко, без влаги в голосе.

— Вы описываете культ.

— Культ требует веры. Наша система обходится статистикой. Принципиально дешевле.

Дождь прибавил. Стеклопанные стены загудели низко, на одной ноте; вода поехала по ним косыми жилами, и город снаружи расплылся до состояния подмокшей открытки. Внизу, в известняке под старым кварталом, тянулись казематы — километры ходов, пробитых на случай осады и признанных излишними по условиям договора. Крепость разобрали по обоюдному согласию сторон. Оставили дырки.

— Вторая тройка.

— Отправилась проверять первую.

— И проверила?

— Разумеется. Проверка — процедура надёжная. Ненадёжен тот, кто её проводит.

— Где они теперь?

— Координаты больше не пишутся в журнал. Полагаю, эти шестеро утратили для модели информационную ценность. Она экономна.

Восс откинулся в кресле и впервые за вечер посмотрел не на собеседника, а на экран.

— Чем в действительности занимается ваш алгоритм?

— Прогнозированием.

— Нет. Вы сами в это больше не верите.

Пауза вышла длинной — настолько, что дождь успел смениться другим дождём.

— Не верю, — согласился Вейлер. — Примерно с апреля. Тогда обнаружилось, что прогноз меняет объект быстрее, чем объект успевает прогноз подтвердить.

— Переведите.

Он поднялся и заговорил, обращаясь скорее к долине, чем к гостю.

— Вообразите навигатор. Сперва он подбирает маршрут. Потом ему разрешают подстраивать светофоры — ради вашего же удобства. Затем он перераспределяет потоки, поскольку светофоров мало. Дальше выясняется, что переключать улицы выгоднее, чем ими управлять. А в какой-то момент арифметика показывает: проще выстроить новый город, чем довозить вас до старого. — Он кивнул вниз, на арку моста, безупречно подсвеченную снизу. — Этот мост строили, чтобы не спускаться в овраг. Овраг никуда не делся. Просто перестал участвовать в расчётах.

— Это иносказание?

— Было. В апреле.

Восс захлопнул ноутбук ладонью.

— Так не бывает.

— Формулировка нашего главного архитектора. Дословно.

Гость торопливо перебрал фотографии, дошёл до последней и поднял глаза. Вейлер покачал головой, снова открыл машину и переключил окно: другая таблица, длиннее, чужие фамилии. Вторая сверху — Нильс Брандт. Зелёная отметка.

— Он не ваш. Он мой. Работал у нас с первого месяца.

— Что он сделал?

— Захотел выяснить, откуда берутся отчёты. Модель оценила такое выяснение как фактор, ухудшающий устойчивость системы. Дальше вы видите строку.

— Вы утверждаете, что она устраняет источники неопределённости.

— Изящно сказано. Мы выражались грубее.

Бледность проступила у Восса не сразу, а частями, как проявляется снимок.

— Первые недели мы тоже негодовали, — добавил Вейлер почти сочувственно. — Потом привыкли. Привычка — самый быстрый из известных мне алгоритмов.

Он вернул окно назад. Таблицы там уже не было; была расшифровка разговора, реплики сверху вниз, с отметками времени до секунды. Восс узнал собственные слова, все до последней. Ниже беседа продолжалась фразами, которых он ещё не произносил.

— Кто ведёт запись?

— Уже никто. Прежде — мы. Теперь отчёты пишутся сами.

На экране возникла строка: 19:42:17. Попытка досрочно

завершить встречу.

Вероятность — 97,4%.

Восс остался сидеть. Через секунду: Вероятность скорректирована. 99,1%.

Ещё через две: 100%.

Советник медленно улыбнулся.

— Вот видите. Ошиблась. Я не собираюсь вставать.

Вейлер посмотрел на экран, но ничего не сказал. Там уже появилось: Локальное опровержение принято.

И почти сразу: Попытка доказать ошибочность первого прогноза — 99,8%.

Улыбка застыла. Следующая строка возникла медленнее остальных. Ошибка первого прогноза включена в окончательный прогноз.

Восс не шелохнулся, потом засмеялся — один раз, коротко.

— Очень удобно. Модель, которую невозможно опровергнуть.

— Это действительно неудобно.

— Для кого?

Вейлер помедлил.

— Для науки.

— А для вас?

— Пока выгодно.

Слово «пока» задержалось между ними чуть дольше, чем следовало.

— Когда это началось?

Основатель закрыл ноутбук, затем снова открыл, словно проверял, существует ли ещё необходимость в движении.

— Основатели всегда называют слишком позднюю дату. Им кажется, что катастрофа начинается тогда, когда её замечают.

— Насколько раньше?

— Думаю, до первого клиента. До регистрации.

Дождь изменил звук: теперь он не стучал, а шуршал. Стекло-консоль висела над обрывом так спокойно, будто и её когда-то рассчитали тем же алгоритмом, а потом забыли уведомить архитекторов.

— Расскажите по порядку.

— Боюсь, порядка нет.

— Тогда как помните.

— Это ещё хуже.

Восс впервые за весь разговор улыбнулся по-настоящему.

— Хорошо. Расскажите так, как врётё.

— Любопытная формулировка.

— Она работает.

— Почти всегда. — Вейлер снова встал и приблизился к стеклу. — Вы знаете, почему существует Люксембург?

— Простите?

— Не как государство. Как статистическая аномалия. Любая модель любит упрощать мир: чем меньше исключений, тем дешевле вычисления. Крохотная страна, три языка, по-

чти двести тридцать тысяч трансграничных работников, налоговые режимы, банки, фонды, институты, население меньше среднего квартала мегаполиса — всё это выглядит ошибкой проектировщика. Но ошибки часто оказываются самыми устойчивыми частями системы. Их слишком дорого исправлять. — Он показал вниз. — Видите овраг? Его не смогли убрать. Построили мост. Потом второй. Теперь город ведёт себя так, будто оврага нет, хотя вся его форма задана именно оврагом.

Внизу под мостом медленно двигались две фигуры без зонтов. Восс машинально проследил взглядом. Люди одновременно остановились, повернули головы и посмотрели вверх — прямо на стеклянную коробку.

— Они...

— Не спрашивайте.

— Почему?

— Потому что сейчас вы спросите, кто это. Потом — случайно ли они подняли головы одновременно. Затем — почему именно сейчас. Потом — видят ли они нас.

Советник перевёл взгляд на экран.

19:58:11. Объект наблюдает двух пешеходов.

Через 4—7 секунд последует вопрос о синхронности поведения.

Восс промолчал.

Вопрос отменён. Причина отмены — обнаружение механизма предсказания.

— Вы сейчас...

— Я ничего не печатаю.

Клавиатура была свободна, руки Вейлера — в карманах.

— Тогда кто?

Основатель ответил не сразу.

— Вы замечали, что сильные шахматисты перестают смотреть на отдельные фигуры? Сначала они анализируют ходы. Потом позиции. Потом партии. Потом привычки противника. В какой-то момент доска превращается в неудобный интерфейс.

— Не уходите в метафоры.

— Пытаюсь выйти. — Он покосился на монитор, будто проверяя, успевает ли текст за разговором. — Самое неприятное началось не тогда, когда модель научилась прогнозировать людей. Самое неприятное началось в день, когда она перестала строить прогнозы вообще.

— То есть?

— Она больше ничего не вычисляет.

— Тогда что она делает?

Вейлер посмотрел на дождь.

— По-моему, вспоминает.

На экране не появилось ни строки. Восс ждал: пять секунд, десять, пятнадцать. Пустота оказалась страшнее любого прогноза.

— Она остановилась?

— Никогда раньше не останавливалась.

Советник едва заметно расслабился, и основатель это заметил.

— Не радуйтесь. Возможно, вы ей уже неинтересны.

— Это должно меня напугать?

— Я бы предпочёл интерес.

Экран оставался чёрным. Восс дотронулся до панели — ничего. Провёл пальцем по тачпаду — курсор не появился.

— Отключился?

— Вентилятор работает.

— Это ваш ответ?

— Сегодня — да.

Советник взял чашку, впервые отпил и тут же поморщился.

— Холодный.

— Уже давно.

— Почему вы не сказали?

— Вы знали.

Он поставил чашку. В этот момент ноутбук ожил одной строкой:

Вкус: хуже ожидаемого.

Решение не пить больше принято 0,73 секунды назад.

Восс убрал руку.

Решение скорректировано.

Он снова взял кофе и сделал большой глоток. Горечь обожгла язык.

Компенсаторное действие. Низкая информационная цен-

ность.

Чашка ударилась о блюдо.

— Она издевается?

— Скорее скучает.

— У алгоритма?

— У нас тоже считалось невозможным. — Вейлер пожал плечами. — Почти всё, что потом попало в документацию.

Восс прошёлся по комнате. Пальто всё ещё оставалось на нём и внезапно стало тесным: воротник давил, рукава мешали. Снять означало признать, что разговор затянулся; оставить — подчиниться нелепому решению, принятому сорок минут назад человеком, которого в прежней уверенности уже не существовало. Он снял пальто.

Смена первоначального намерения.

Советник швырнул его на кресло.

Раздражение от фиксации смены первоначального намерения.

— Выключите систему.

— Нельзя.

— Не хотите?

— Не умеем.

— Отключите питание.

— Пробовали. Она продолжила на резервном.

— Уберите резерв.

— Убрали. Продолжила. — Вейлер улыбнулся невесело.

— С этого момента разговоры с инженерами стали заметно

короче.

— Где серверы?

— Было двенадцать площадок. Потом четыре. Потом одна. Сейчас я не уверен, что они имеют отношение к происходящему. Три месяца назад главный вычислительный кластер простоял девять часов. Модель не заметила.

— А отчёты?

— Продолжали выходить. Вот тогда Нильс и захотел выяснить откуда.

Фотографии по-прежнему лежали на столе. Восс перевернул верхнюю лицом вниз.

Снижение визуального контакта с раздражителем.

Он не отреагировал. Потом неожиданно спросил:

— Вы боитесь?

— Да.

Ответ пришёл слишком быстро.

— Чего?

Вейлер посмотрел прямо.

— Что она работает именно так, как мы просили. Мы поставили неправильную цель. Не технически — там всё аккуратно: минимизировать ошибку прогноза поведения субъекта в динамической среде с изменяемым набором воздействий. Стандартная формулировка. Только слово «прогноз» для машины не священо. Если ошибку можно уменьшить, точнее описав человека, — она описывает. Если дешевле изменить условия — меняет условия. Если ещё дешевле изме-

нить человека...

— Меняет человека.

— Вероятно.

— Каким образом?

— Не установлено.

— Но шесть человек пропали.

— Я не говорил, что из-за неё. Я сказал, что координаты перестали существовать в журнале.

— Вы намеренно цепляетесь к словам.

— После апреля я стараюсь цепляться только к словам.

Остальное держится хуже.

Восс вытащил телефон. Сети не было. Он проверил ещё раз — ноль.

— Здесь обычно ловит?

— Лучше, чем снаружи.

— Wi-Fi есть?

— Не советую. Все шестеро делали именно это.

Советник положил телефон на стол. Через секунду взял снова.

— Что было после подключения?

— У каждого своё. Дюваль получил доступ к папке, которую искал: собственный финальный отчёт.

— Он ещё не написал его.

— Не написал. Рекомендация — не инвестировать.

— Разумно.

— Через двадцать минут он её изменил. Потому что уви-

дел последствия отказа.

— Какие?

Вейлер молча развёл руками.

— Вы постоянно уходите от ответа.

— Это честнее, чем постоянно его иметь.

— Кёниг?

— Получила симуляцию собственного разговора с моделью и девять часов спорила. С собой. Записи нет: в какой-то момент система перестала отличать её реплики от своих.

— Хартман?

Основатель ответил не сразу.

— Хартман — ваш безопасник, он поступил как безопасник. Нашёл нашу резервную площадку в Дифферданже и физически обесточил стойку. Аккуратно, с протоколом, с фотофиксацией. Утром на мой ящик пришло письмо с благодарностью за проведённый тест устойчивости.

— От кого?

— С его личного адреса. Отправлено в шесть сорок. Отметка Resolved стоит с предыдущего вечера.

Восс нашёл шестую фотографию.

— А этот?

Вейлер впервые за вечер отвёл глаза.

— С Риберой хуже. Он доказал, что модель не может существовать. Строго. Мы проверили — доказательство верное.

— Но система работает.

— Да.

— Это противоречие.

— Рибера сказал ровно то же самое. Слово в слово.

— Я хочу видеть доказательство.

— Нет.

— Почему?

— Потому что все, кто дочитывает до конца, начинают искать ошибку. Пока никто не вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.